

АННА БЕРСЕНЕВА

КАК ЗАЧАТЬ
РЕБЕНКА

Анна Берсенева

Как зачать ребенка

«Анна Берсенева»

Берсенева А.

Как зачать ребенка / А. Берсенева — «Анна Берсенева»,

Можно с уверенностью утверждать: как не зачать ребенка, современной науке, в принципе, известно. А вот то, почему происходит или не происходит зачатие, зарождение жизни, остается загадкой, которую не разгадал еще ни один лауреат Нобелевской премии. Между тем достижения в области репродукции человека с каждым годом становятся все более впечатляющими. Что такое экстракорпоральное оплодотворение? Рождаются ли полноценные дети из замороженных эмбрионов? Можно ли «с гарантией» зачать мальчика или девочку? Суррогатное материнство – благо это или насилие над человеческой природой? Тайна жизни, зарождающейся «в пробирке», предстает на страницах этой книги невероятно увлекательной!

Содержание

Глава 1	6
Дело нехитрое?	6
Необычное страноведение	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анна Берсенева Как зачать ребенка

Дорогой читатель Литрес!
Я стараюсь писать свои
книжки так, чтобы мне самой
интересно было их читать.
Пусть будет интересно и
Вам.

т. Со —————
(Анна Берсенева)

Глава 1

Зачем люди заводят детей и почему не у всех это получается?

Проблема бесплодия

Дело нехитрое?

Если бы еще недавно кто-нибудь сказал мне, что я возьмусь писать книжку на подобную тему, я в это просто не поверила бы. И даже не потому, что мне давно за сорок, у меня двое детей и рожать третьего я уже не собираюсь. А потому, что для большинства женщин моего возраста и в молодые годы вопрос формулировался несколько иначе: «Как *не зачать* ребенка?» Во всяком случае, для тех, кто не стремился в матери-героини и не мечтал родить десятерых. А уж с началом реформ матерью-героиней стала считаться каждая, решившаяся хотя бы на одного ребенка, поэтому вопрос о том, как его зачать, и вовсе казался странным. Дамы попроще отвечали на этот вопрос незамысловато: «Дурное дело нехитрое». Обычно это произносилось в процессе воспитания восемнадцатилетних дочерей, которым активно внушали, что сначала надо окончить институт, а с ребенком они и после не опоздают.

Может быть, так бы я и продолжала считать этот вопрос неактуальным, если бы не история, произошедшая с моей близкой подругой. Собственно, ничего страшного с ней не произошло – просто в свои сорок лет, после пятнадцатилетнего перерыва, Диана решила родить второго. После бесчисленных охов и ахов, которыми встретили это радостное известие ее мама и муж («С ума сошла, тебе на пенсию скоро! Я не олигарх, на одну мою зарплату мы вчетвером не проживем!»), выяснилось, что необходимо на 18—20-й неделе сделать так называемую «генетику» (амниоцентез), то есть анализ околоплодных вод, с помощью которого определяют, нет ли у будущего ребенка каких-либо патологий, связанных с немолодым возрастом мамы.

«Генетику» делали в медицинском центре, занимающемся проблемами репродукции человека. Вернувшись оттуда, Дианка воскликнула:

- Ты представить не можешь, что там творится!
- А что такого особенного там творится? – удивилась я. – Все хотят в сорок лет рожать?
- Если бы в сорок! То есть и тех, которые в сорок, хватает. Но и в тридцать, и в двадцать пять, и даже в двадцать. В двадцать лет по врачам ходят, потому что забеременеть не могут!
- Не может быть, ты что-то не так поняла, – не поверила я.
- Все я так поняла, – усмехнулась Диана. – Я там в очереди полдня провела и потом еще сутки после процедуры в палате – наслушалась.

Оказалось, что в этой клинике не только обследуют беременных, но и занимаются проблемой бесплодия. И количество людей, для которых эта проблема актуальна, так велико, что создается впечатление, будто пол-Москвы и четверть России не может обойтись в ее решении без медицинской помощи. Какое там «дурное дело нехитрое»! Настолько хитрое, что оно не удается не десяткам, не сотням и даже не тысячам, а миллионам. Потому что, по статистике, бесплодием в наше время страдают 16–18 % супружеских пар во всем мире, а это, как нетрудно подсчитать, вот именно – миллионы людей. Нетрудно также и догадаться, что гораздо больший процент бесплодных пар ни в какую статистику не попадает, так как супруги по разным причинам не обращаются со своей проблемой к врачам.

– Так что правильно я сделала, что забеременела, – заключила моя неунывающая подруга, сообщив мне эти ошеломляющие цифры. – Подумаешь, у мужа зарплата маленькая! Люди за это дело последние деньги отдадут и еще спасибо говорят, если повезет.

Как это обычно бывает, стоило мне только выяснить, что в мире, оказывается, существует какая-то глобальная проблема, как свидетельства ее существования посыпались словно из рога изобилия.

Буквально на следующий день после Дианиного рассказа я встретила на улице Марину, с которой недавно познакомилась на даче у друзей. Рожать она, правда, тогда не собиралась. Но вот при нынешней встрече выяснилось, что проблема беременности волнует ее не меньше, чем Дианку. Вернее, проблема не-беременности. Маринин единственный сын женился рано, чем, впрочем, ничуть не огорчил маму, которая, по какой-то необъяснимой для большинства ее ровесниц причине, в свои сорок «с хвостиком» уже мечтала иметь внуков.

– А чему вы удивляетесь? – объясняла Марина. – Ну что такого интересного в моей жизни? Каждый день одно и то же: дом – работа, работа – дом. Муж обьелся груш. Сын, можно считать, отрезанный ломоть. Денег на приличный отдых нету, отпуск провожу на грядке. В моей ситуации внуки – это одно сплошное счастье и смысл жизни, – убежденно заявляла она.

И вдруг выяснилось, что никакого «сплошного счастья» Марине не предстоит. Во всяком случае, само собой, без труда и бесплатно, оно не наступит.

– Как все в моей биографии, – вздохнула она. – Нет, ну надо же так: ведь на девчонке женился, кто мог подумать? И не разженишься из-за этого, люди же мы, не приматы.

– Но ведь им по двадцать два года, – напомнила я. – Кто тебе сказал, что они бесплодная пара?

– Рассуждаешь, как неандерталец, – хмыкнула Марина. – Или как питекантроп. Они три года уже женаты. А к твоему сведению, если люди живут, не предохраняясь, год и беременность не наступает, то это считается бесплодием. По данным Американской ассоциации фертильности, – добавила она.

– По ассоциации чего? – еще раз проявила я свою неандертальскую дикость.

– Фертильности, – повторила Марина. – Плодовитости то есть. Самая, между прочим, авторитетная в мире организация. Я теперь на эту тему страшно образованная, лекции могу читать.

Тут я сообразила, что к миллионам, которым проблема бесплодия небезразлична потому, что лично они не могут зачать ребенка, следует приплюсовать еще примерно раз в восемь большее количество народу – например, родителей, бабушек и дедушек с обеих сторон. А есть ведь еще братья и сестры, и некоторые дяди и тети относятся к племянникам как к родным детям, и имеются близкие друзья, которым все подробности зачатия-незачатия докладываются ежевечерне по телефону... Что и говорить, число вовлеченных в проблему приобретало угрожающе массовый характер!

И тогда я задала себе еще один странный вопрос: а зачем, собственно, люди вообще заводят детей? До того как я – пусть и в качестве наблюдателя, но с большим вниманием – стала вникать в проблему бесплодия, вопрос этот мне совершенно точно и в голову не пришел бы. Как не приходит он в головы большинству людей, у которых дети получаются сами собою, без особенных размышлений. Разумеется, я не имею в виду тех монстров, которые рожают только потому, что вовремя не успели избавиться от беременности, а потом в лучшем случае оставляют ненужных младенцев в роддомах. Но и нормальные люди из моего окружения этим вопросом тоже, как правило, не задавались. Что значит, зачем их рожать? Ну, затем, что это естественно. Что деды и прадеды... испокон века... так уж заведено...

Но мало ли что было заведено испокон века, а в последнее время изменилось до неузнаваемости! Испокон века женщины сидели дома и единственным светом в окошке для них были мужья, без которых они шагу не могли ступить. А потом как-то незаметно оказалось, что жен-

щины уже всюду задействованы в трудовом процессе, что зарабатывают на себя сами, что могут себе позволить путешествовать, получать второе и даже третье образование, посещать ночные клубы, участвовать в экстремальных авторалли – одним словом, вести ровно такой же образ жизни, как мужчины. И если они при всем этом по-прежнему хотят иметь детей, то, вероятно, это стремление носит у них теперь не совсем или не только инстинктивный характер?..

Но вот какой именно характер оно носит, большинство «нормальных» людей объяснить затруднялись.

И только после того как я поговорила со многими парами, у которых «само собой» не получается, то поняла, какими разными могут быть мотивы, по которым люди хотят иметь детей. Видимо, дело в том, что всякое усилие требует осознания того, зачем ты его совершаешь. И чем серьезнее усилие, тем отчетливее бывает это осознание. А уж искусственное зачатие требует такого серьезного, такого последовательного и терпеливого усилия, что, прежде чем на него решиться, десять раз себя спросишь: а зачем мне, собственно, все это надо, не обойдусь ли я вообще без детей, раз их рождение связано с такими невероятными сложностями?

И вот то, как люди отвечают себе на этот вопрос, оказалось настолько интересным, и даже не просто интересным, а показательным, что умолчать об этом было бы неправильно.

Оказалось, что в каждом из этих ответов, как в бесчисленных каплях воды, отражаются бесчисленные же миры, причем не только личные, но и социальные, и национальные. Да-да, национальные едва ли не в самой большой степени. Очень занимательная получилась этнография!

Необычное страноведение

О том, что существует своеобразное «деторожденческое страноведение», я узнала от Анны Сергеевны, давней знакомой моих родителей. Я и раньше-то считала ее женщиной приметливой и мудрой, а уж разговор на неожиданно заинтересовавшую меня тему убедил в этом окончательно.

Дочка Анна Сергеевны, Катя, десять лет назад окончила иняз. Девочка она была на редкость прилежная: когда ее однокурсницы только и думали, что о дискотеках, Катя готовилась к семинарам по своему обожаемому французскому. А когда на пятом курсе те же однокурсницы резко озаботились проблемой законного брака, Катю интересовали только лингвистические проблемы ее дипломной работы. Анна Сергеевна уже переживала, что девочка растет синим чулком и замужество окажется для нее делом непростым, потому что молодые люди предпочитают кого побойчее. И вдруг оказалось, что отличница Катя, ни секунды не забивавшая себе голову такой ерундой, как устройство личной жизни, обеспечила это самое устройство самым блестящим образом! Точнее, ничего она себе не обеспечивала – просто, как обычно, выполняла свой профессиональный долг. Но дело в том, что однажды этим профессиональным долгом стало сопровождение французского бизнесмена, приехавшего в Москву на какой-то свой бизнес-симпозиум. Организаторы этих симпозиумов часто обращались в иняз с просьбой прислать студентов-переводчиков. Дело-то выгодное: и детям практика, и платить можно поменьше. Но на этот раз тема симпозиума оказалась такой заумной, что поработать с французом можно было без опасений послать только отличницу Катю.

Когда через три дня после окончания мероприятия бывший подопечный позвонил Кате из Парижа и проговорил с ней час с лишним, ее мама чуть в обморок не упала от удивления. Когда звонки стали ежедневными, она стала расспрашивать Катю, кем работает ее знакомый. А когда через месяц он приехал в Москву снова, Анна Сергеевна дальновидно поинтересовалась, из какой он семьи...

И, как выяснилось, не ошиблась: через три месяца француз сделал предложение. К этому времени было уже ясно, что он влюблен по уши и что любовь взаимна. Правда, Анна Сергеевна все-таки беспокоилась: одно дело – сам Шарль с его любовью, а другое – его немаленькая семья, состоящая, кроме родителей и двух родных сестер, из множества тетей, дядей, кузенов и прочих близких и дальних родственников. Ведь все это – определенные семейные традиции, притом, как выяснилось, традиции аристократические, и определенные представления о том, что такое хорошо и что такое плохо, и определенные бытовые привычки...

Впрочем, уже через полгода Анна Сергеевна поняла, что волновалась она напрасно. Видно, Шарль влюбился в Катю не только сам по себе, но и как представитель своей семьи, взглядам и традициям которой она полностью соответствовала. Да и Катя сразу почувствовала себя во Франции как рыба в воде. Несмотря на то что финансовое положение мужа позволяло ей не работать никем и никогда, она вспомнила, что закончила в Москве художественную школу, и немедленно поступила на какие-то очень престижные дизайнерские курсы, которые закончила с таким же блеском, с каким начинала и заканчивала любую свою учебу. Потом друзья Шарля предложили ей разработать дизайн их новой квартиры, потом они рекомендовали ее владельцу небольшого кафе, и тот пришел в восторг от ее необычного проекта, потом... Одним словом, через несколько лет как-то само собой оказалось, что Катя – весьма востребованный и даже модный парижский дизайнер.

Ну, а Анна Сергеевна, которая всегда принимала горячее участие в дочкиной жизни, стала жить практически на две страны. И обе эти страны неплохо изучила. В числе изученных ею проблем оказалась, как выяснилось, и проблема деторождения.

– Когда два года назад Катя сказала, что ей пора рожать, я отнеслась к этому спокойно, – рассказывала мне Анна Сергеевна. – Пора и пора, почему бы в двадцать восемь лет не родить? Когда спустя всего лишь год дочка забеспокоилась оттого, что не беременеет, я только посмеялась. Мы ведь здесь уверены, что они там склонны поднимать панику из-за любой ерунды. Не забеременела, как только перестала предохраняться, – ничего страшного, не все сразу. Да и вообще, отчего такая суматоха? Что за трагедия, если у нее и не будет детей? Хочешь про стакан воды напомнить? – усмехнулась она, видимо, заметив тень несогласия, мелькнувшую по моему лицу. – Уверяю тебя, достаточно несколько лет пожить на Западе, чтобы понять несостоятельность этого мотива. Да, кстати, и не на Западе тоже. Мало, что ли, у нас одиноких стариков при живых детях? Ну а там, при их-то развитой социальной системе, огромное количество людей благополучно, в здравом уме, отправляются на старости лет в роскошные дома престарелых. И сопровождают их туда многочисленные дети и внуки, которые навещают потом разве что на Рождество. А стакан воды им подают специально обученные люди, что, уверяю тебя, куда лучше, чем выпрашивать этот стакан у потомства, которое считает тебя обузой. Я это не к тому, что родителям помогать неестественно, – уточнила она. – Помогать-то – как раз естественно. Но вот то, что дети – не обязательное условие и не гарантия помощи, то есть пресловутого стакана воды, – это для меня очевидно.

Все эти соображения Анна Сергеевна с такой же прямоотой изложила однажды пожилому художнику, у которого дочка училась на этих самых дизайнерских курсах. За время Катиной учебы он проникся к своей русской подопечной самыми добрыми чувствами и стал желанным гостем в ее с мужем доме.

– И вот он-то, месье Самари, мне наконец глаза открыл, – продолжала Анна Сергеевна. – Когда он спросил, собирается ли Катя иметь детей, и я ему сообщила, что с этим возникли проблемы, а посему: будет – так будет, а не будет – так не будет, ничего страшного, – он пришел в ужас от такого моего отношения. Оказывается, в той среде, в которой Катя теперь живет, в среде верующих католиков-аристократов, отношение к отсутствию детей совсем не такое спокойное, как можно было бы подумать, наблюдая за их размеренной, удобно устроенной жизнью. И это еще мягко сказано! Семья без детей – это для них такой нонсенс, что даже социальный статус такой семьи резко понижается. Почему они вечно кого-то усыновляют? Конечно, и по доброте душевной, но не только. Дело именно в том, что семья без ребенка – это для них совершенный ужас и кошмар.

– Получается, материальные соображения, связанные с рождением детей, в этой среде вообще исключены? – уточнила я.

– Не то чтобы исключены – просто они там совсем иные, чем у нас. Обеспечивать свою старость принято самому, не перекладывая это на окружающих, в том числе и на детей. Да и почему это должно быть иначе в нормальном государстве? Но есть другое... Дело в том, что у каждого француза, который всю жизнь работал, а не валялся под мостом, к старости накапливается хотя бы небольшой капитал. Обычно, кроме некоторой суммы на счете, это бывает квартира в городе и домик на океане. И им очень важно, просто жизненно важно, чтобы все это перешло в кровно близкие руки. Они хотят передать свой скворечник не троюродному племяннику со стороны супруга, а собственному ребенку.

Может быть, этот мотив следовало бы считать только материальным. Но дальнейший разговор с Анной Сергеевной убедил меня в том, что это не совсем так.

– Это очень долгие деньги, вот в чем все дело, – объяснила она. – Они получены не в течение года и не в результате того, что ты убил соседа, вскрыл чужую дачу или купил по случаю тухлые сосиски, а потом продал их втридорога как свежие. Долгие деньги передаются не просто как деньги... Происходит передача навыков жизни, образа жизни и, извини за пафос, духовного строя и нравственности. Это тот самый газон, который триста лет подстригают не просто для того, чтобы под окнами росла красивая травка. Это гарантия того, что в стране не

будет разрухи, которая, как известно, начинается в головах. Европейцы таким образом выстраивают свою голову, и это происходит именно за счет того, что вместе с материальными благами детям передаются определенные нравственные навыки жизни. Почему в Европе даже дети очень богатых людей в двадцать лет не сидят в дорогих ресторанах, как у нас на Тверской? Потому что они знают: им тоже надо выстраивать свою жизнь, как это делали их деды и прадеды. И они выстраивают ее сами. Ну, а потом умирают родители, какие-то деньги прибавляются к их уже выстроенной жизни, и только так образуется богатство. Такой вот материальный стимул для деторождения! – заключила она. – Но, конечно, там тоже есть множество людей, которые просто, без рассуждений, любят детей и воспринимают рождение каждого ребенка как Божий дар.

И, при всей убедительности ее аргументов в пользу передачи детям нравственного строя жизни вместе с материальными ценностями, это последнее из высказанных Анной Сергеевной соображений все-таки кажется мне главным...

Конечно, люди рожают детей не только потому, что они хотят кого-то любить и хотят быть кем-то – да не кем-то, а родными людьми! – любимыми.

Кто-то в самом деле видит в ребенке нечто вроде страхового полиса на старость.

Кто-то мечтает, что ребенок продолжит дело его жизни.

Кто-то не хочет ловить на себе косые взгляды досужих сплетниц: вот, мол, уже сколько лет живут, а – пустоцвет.

Кто-то надеется, родив, удержать мужа от ухода к любовнице.

Кто-то мечтает о том, как наступит лето и он вывезет свое дитя на прогулку в открытой колясочке, а дитя будет все такое хорошенькое, все в таких розовых или голубых рюшечках. (Да-да, не удивляйтесь, я знала немало женщин, обычно очень молодых и очень благополучных, которые объясняли свое желание иметь детей именно этим.)

Одним словом, мотивы для деторождения могут оказаться самыми неожиданными – в диапазоне от пафоса до идиотизма. (Что, впрочем, очень часто одно и то же.)

Но дело в том, что на все эти мотивы жизнь может ответить не менее неожиданным образом.

Подросток заявит: «Я вас не просил меня рожать и никаких денег вам не обещал, так что отстаньте от меня со своей старостью».

Сын физика-ядерщика, вместо того чтобы продолжать дело жизни отца, станет воздушным гимнастом в цирке.

Досужие сплетницы, исчерпав тему «пустоцвета», найдут себе новую – например, станут болтать о том, что ребенок у вас получился неудачный: уж ему год, а он молчит как рыба, небось больной.

С уходом мужа к любовнице ситуация и вовсе складывается в точности по истории, которую рассказывал старый еврей, переживший бомбежки Москвы в 1941 году: «Вот вы мне говорите: судьба... А я вам скажу, что такое судьба. Один мой приятель во время бомбежки всегда бежал в бомбоубежище, а другой оставался дома, хотя жил на последнем этаже. И что вы думаете? Судьба таки есть! Тот, который бежал в бомбоубежище, выжил. А того, который сидел дома, убило бомбой». Вот и с мужем, которого ребенок призван удержать, «судьба таки есть». Один мужчина уйдет к любовнице, несмотря ни на что, роди ему хоть десять детей. А другой, не будь ребенка, ушел бы, но ради ребенка останется. А после того как он останется, закон «таки судьбы» начнет работать дальше: может быть, все с ним у жены перемелется и сладится, а может, эта предусмотрительная дама сто раз задумается, нужна ли ей даже ради ребенка жалкая видимость семейной жизни...

Ну, а уж радость от голубых и розовых рюшечек и подавно полиняет очень быстро: например, как только мамаше станет понятно, что ребенок ночами кричит, и потому по утрам ей уже не до того, чтобы умиляться всякой ерунде.

И только любовь – самая обыкновенная, ничем рациональным не объясняемая любовь к ребенку – оказывается тем единственным мотивом, который не подведет никогда.

Но как же трудно смириться с мыслью, что эта любовь останется невостребованной, что она просто повиснет в воздухе, как улыбка Чеширского Кота!

А многие и не собираются с этим смиряться.

Конечно, наша жизнь, даже в последние лет двадцать, сильно переменилась. Конечно, сейчас гораздо больше людей, чем во времена моей молодости, испытывают трудности с зачатием. Кто его знает, почему это произошло: одни винят экологическую ситуацию, другие – генетически модифицированные продукты, третьи – резко возросшие психологические нагрузки и стрессы...

Но дело-то в том, что и наука ведь изменилась за эти «модифицированные» годы до неузнаваемости! Если тридцать лет назад диагноз «непроходимость маточных труб» звучал для большинства женщин приговором, потому что искусственное зачатие могли себе позволить, наверное, только султаны Брунея с их золотыми унитазами, то теперь картина выглядит совершенно иначе. Трудно найти в цивилизованном мире человека, который никогда не слышал бы про «детей из пробирки». И в обществе (во всяком случае, в цивилизованном обществе) давно уже произошло осознание того, что ничего экзотического в таких детях нет.

Некоторое время, кстати, бытовало мнение, будто бы «пробирочные» дети отличаются от «обычных» тем, что они, дескать, умнее, но чаще болеют. Однако первое же исследование, предпринятое для того чтобы выяснить, так ли это, показало: просто родители, которым дети достались дорогой ценой, больше над ними трясутся – отдают в самые-самые школы и укладывают в постель после первого же чиха; вот тебе и ум, вот и болезни. Так что абсолютная, всеми исследованиями подтвержденная идентичность «пробирочных» детей «непробирочным» не вызывает ни малейших сомнений. *In vitro*, то есть в этой самой пробирке, с 1978 года были зачаты более миллиона детей, которые давно уже выросли, родили собственных детей и забыли думать о своем «искусственном» происхождении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.